

П. Бунин

Легенда о смерти Александра I

П. Бунин

Легенда о смерти Александра I

«Public Domain»

1912

Бунин П.

Легенда о смерти Александра I / П. Бунин — «Public Domain»,
1912

ISBN 5-7078-0093-X

Время бессильно уничтожить плод народной фантазии об императоре Александре I. Уединенный образ жизни последних лет царствования, его внезапная кончина вдали от императорского двора, нелепое, более чем несвоевременное погребение тела – все это породило упорные слухи и домыслы его подданных об отречении Александра I от престола и тайной его жизни в глухой сибирской стороне. Об этом – сюжет-легенда предлагаемой книги.

ISBN 5-7078-0093-X

© Бунин П., 1912
© Public Domain, 1912

Содержание

Александр I и старец Федор Кузьмин	5
I. Последние годы царствования	6
II. Смерть	10
III. Над умершим	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

П. Бунин

Легенда о смерти Александра I

Александр I и старец Федор Кузьмин

Могущественный Государь, заполнивший своим именем страницы всемирной истории, и никому неведомый странник «не помнящий родства», издевавший, что значит русские плечи, коротавший дни в далекой Сибири, – казалось бы, что может быть между ними общего? А между тем причудливая народная фантазия крепко спаяла эти два имени, создала прекрасную легенду о старце Федоре Кузьмиче, под именем которого будто бы жил в Сибири отрекшийся от престола и бежавший император Александр I.

Какой-то особенной теплотой и любовью согрел народ свою легенду, передает ее из поколения в поколение и упорно верит в ее правоту...

Об этой легенде мы и хотим рассказать читателю.

I. Последние годы царствования

– Вы не понимаете, почему я теперь не тот, что был прежде, – говорил император Александр I Меттерниху, – я вам объясню: между 1813 годом и 1820 протекло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что совершил в 1813 году.

И, действительно, в характере императора произошла резкая перемена. Мрачное настроение не покидало его, какое-то постоянное беспокойство и неудовлетворенность давили его душу. Не раз приходила мысль, сложить с себя бремя власти и уйти на покой...

Это настроение императора отражалось и на Петербурге. «Трудно изобразить состояние, в котором находился Петербург в последние годы царствования императора Александра, – пишет один из современников. – Он был подернут каким-то нравственным туманом; мрачные взоры Александра более печальные, чем суровые, отражались на его жителях...» «Последние годы жизни Александра, – прибавляет тот же автор, – можно назвать продолжительным затмением».

Это «затмение» имело свои основания, как в личности самого Александра, так и во внешних событиях. Последние годы царствования были резким поворотом от либерализма к гнетущей реакции. Во главе правления стал Аракчеев с его утопической мечтой заставить всю Россию жить под барабан. Этот грубый, жестокий временщик не мог, конечно, внести умиротворения в душу Александра. Волей-неволей ему приходилось иногда преподносить Государю не только бутафорские картины благополучия военных поселений, но и факты, от которых веяло ужасом, и которые должны были наводить на тяжелое раздумье.

Так было с чугуевским усмирением, о котором Аракчеев со свойственным ему иезуитизмом доносил императору: «по разным собственным моим о сем днем и ночью рассуждениям, с призыванием на помощь всемогущего Бога, я видел, с одной стороны, что нужна решимость и скорые действия, а с другой, слыша их злобу, единственно на меня, как христианин, останавливался в собственном действии, полагая, что оное может быть по несовершенству человеческого творения признаться, может строгим или мщением за покушение на жизнь мою. Вот, Государь, самое затруднительное положение человека, помнящего свое несовершенство. Но важность дела, служба отечеству и двадцатипятилетняя привязанность к лицу императора Александра I решили меня, составя комитет, рассуждать в оном по делам, до возмущения касающимся, действовать же строго и скоро от лица моего, в виде главного начальника...»

После всех этих предварительных мер, в исполнение приведенных, и когда военный суд был окончен и представлен был ко мне на конфирмацию, по коему приговорено к лишению живота 275 преступников, я дал предписание дивизионному командиру генерал-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнение о наказании их шпиц-рутенами, каждого через тысячу человек по двенадцать раз с тем, чтобы наказание сие было учинено в первый день только сорока человекам из главнейших преступников... Определенное наказание было произведено в Чугуеве, 18-го августа и к оному были приведены из Волчанска все арестанты и из Змиева главнейшие бунтовщики... Ожесточение преступников было до такой степени, что из 40 человек только трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования; но сие наказание не подействовало на остальных арестантов, при оном бывших, хотя оно было строго и примерно, ибо пехотные солдаты, по неудовольствию своему на чугуевцев за их возмущение, сильно их наказывали. Впрочем, при сем наказании присутствовали медицинские чиновники, кои прекращали оное по силе и сложению каждого преступника».

По окончании наказания были, по словам донесения, спрошены все арестанты, раскаиваются ли они в преступлении, и так как те раскаяния не обнаружили, то по приказанию начальника поселенных войск, с согласия Аракчеева, были из толпы выхвачены главные зачинщики и на месте наказаны шпицрутенами.

Тогда остальные стали просить помилованья. «В то же самое время, – пишет далее Аракчеев, – наказание было прекращено и все арестанты, не бывшие под судом, приведены вновь к присяге».

Как ни слепо верил император Аракчееву, но такого рода картины леденили душу и внушали тревогу...

Резкий поворот в политике Александра вызвал естественное недовольство в обществе. Это окружавшее его недовольство, с одной стороны, придворные интриги – с другой, сделали императора Александра болезненно подозрительным. Ему стало казаться, что все к нему переменялось, что над ним смеются, его ненавидят и, может быть, желают его смерти. Он с тяжелым недоверием относился к каждому, с кем ему приходилось сталкиваться. Эта подозрительность иногда проявлялась в самой неожиданной форме и причиняла тяжелые страдания его окружающим. Однажды генерал-адъютанты Государя Киселев, Орлов и Кутузов, находясь во дворце, стояли у окна и весело болтали между собою. Кто-то рассказывал анекдоты, и все смеялись. Вдруг отворилась дверь, вошел Государь. Его появление было так неожиданно, что вскочившие адъютанты едва могли подавить смех, душивший их. Киселев стоял у окна, и с губ его еще не сошла улыбка. Через несколько минут Государь позвал к себе Киселева. Когда Киселев вошел, Александр, осматривая себя в зеркало, гневно спросил, что заметили они в нем смешного, что так беззастенчиво насмеялись над ним. Киселев был поражен таким вопросом и стал горячо доказывать Государю, что над ним никто не смеялся, что и в мыслях у них не было ничего подобного. Только после многих усилий Киселеву удалось убедить Государя в правоте своих слов.

Другой случай был в Таганроге. В хлебе, поданном Александру, случайно попал какой-то камушек. Император заподозрил покушение на его жизнь, и строго приказал Дибичу расследовать дело. Выяснилось, что камень попал по неосторожности хлебопека и ничего опасного в себе не содержал. Но несмотря на результаты расследования, Государь долго не мог успокоиться.

Часто ему казалось, что его собеседники смеются над ним или слушают его для того, чтобы потом насмеяться. «Все это доходит до того, – пишет в своих записках Великая княгиня Александра Федоровна, – что становится прискорбно видеть подобные слабости в человеке со столь прекрасным сердцем и умом». Пережитые волнения последних лет сделали императора Александра религиозным. Он ревниво исполнял церковные обряды, утром и вечером долго молился, стоя на коленях, отчего у него появились мозоли. Молитва, вносила умиротворение в его душу. Еще в 1818 году он говорил графине Соллогуб: «Возносясь духом к Богу, я отрешился от всех земных наслаждений. Призывая на помощь религию, я приобрел то спокойствие, тот душевный мир, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира». Скоро эта религиозность перешла в мистицизм. Государь стал верить в свое особое предназначение, на себя стал смотреть, как на орудие Божественного Промысла, мысль его стала все более устремляться к вопросам о загробной жизни. К этому времени относится и его знакомство с архимандритом Фотием.

Мистик, изувер, фанатический гонитель всякой свободной мысли, Фотий в это мрачное время быстро выдвинулся. Получив небольшое образование, он на 25 году был уже иеромонахом. В своей автобиографии он рассказывает о разных видениях, которые посещали его, указывающих на несомненную его ненормальность; о бесах, с которыми ему пришлось вести неустанную борьбу. «В летнее время, некогда, около августа месяца, – рассказывает он о себе в третьем лице, – после часа девятого, сел во власяном хитоне на стул, где было место моленья под образами, хотел встать, молиться Господу по обычаю. Но вдруг что с ним сделалось, и в каком состоянии был, но только в забытии, увидел себя в непонятном некоем состоянии, не во сне, а наяву: увидел явно пришедших четырех бесов, человекообразных, безобразно

серых по виду, не великих, и они, бегая, все хотят его бить, но опасаются именно власяного хитона на нем и говорят о нем между собою: „сей есть враг наш!“»

Борясь с явившимися ему «бесами», он скоро всю русскую жизнь стал представлять себе в образе «беса» и объявил ей войну. Его страстные проповеди привлекли к нему много поклонников, среди которых оказалась богатая, с большими связями графиня Орлова-Чесменская. Преклоняясь перед святостью Фотия, эта «дщерь-девица», как Фотий ее называет, представила в его распоряжение свои громадные средства и свои связи в высших кругах. Перед Фотием открылась широкая дорога.

Слава Фотия дошла до Александра. Находясь в периоде мистических исканий, император заинтересовался Фотием и пригласил его к себе. Фотий так рассказывает об этом первом свидании: «Вышедши из колесницы, шел по лестницам общим, знаменал как себя, так – во все стороны дворец, проходы, помышляя, что тьмы здесь живут и действуют сил вражиих, что ежели оныя, видя крестное знамение, отбегут от дворца на сей час прихода, Господь пред лицом царя даст ему благодать и преклонит сердце его послушати, что на сердце его есть, царю возвестить». С такими мыслями шел Фотий во дворец. Когда Фотий вошел в комнату, где дожидался его Государь, то Александр первый пошел к нему навстречу, чтобы поздороваться. Но Фотий не обратил внимания на Государя. Он искал образ и, когда нашел, долго молился. Государь почтительно стоял в стороне. Эта сцена, видимо, произвела на него впечатление. Затем Государь подошел под благословение.

– Я давно желал тебя, отец Фотий, видеть и принять твое благословение, – сказал Государь и усадил Фотия подле себя, сел сам близко так, чтобы можно было говорить тихо и все слышать.

Фотий говорил о церкви, вере, спасении души, о неверии современного общества. Говорил о тайных обществах и необходимости с ними бороться.

Александр был тронут беседой и на прощанье попросил благословение.

Положение Фотия с этих пор упрочилось. Перед ним открылась широкая арена деятельности, представилась возможность влиять на самого Государя. Вместе с тем, он был назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. Беседа с Фотием не прошла бесследно. Скоро был издан рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея, которым было приказано, закрыть все тайные общества, в том числе, и масонские ложи; со всех членов взять обязательство, что они больше не будут таких обществ открывать; приказать чиновникам дать подписки, что они впредь ни к каким тайным обществам принадлежать не будут.

20-го апреля 1824 года Фотий был вновь принят императором, но при необычной и странной обстановке. Этому свиданию Александр хотел придать какой-то особый характер, а потому оно было устроено тайно. Фотий был проведен тайным ходом в покои Государя.

Опять говорили о тайных обществах. Государь был взволнован и с затаенным дыханием, слушал речь Фотия. А Фотий говорил об ужасах грядущей революции, пугал заговорами, убийствами. Страшная картина грядущего ошеломила Государя. Все рушилось, никому нельзя верить, и только один Фотий, казалось ему, стоял, как ангел-хранитель, и во мраке указывал дорогу. Так думал Государь и эту мысль выразил при Фотии.

– Господь, сколь ты милосерден ко мне! – сказал он молясь. – Ты мне, как прямо с небес, послал ангела своего святого возвестить всякую правду и истину! Будь милостив ко мне! Я же готов исправить все дела и Твою святую волю творить!.. – Обернувшись же к Фотию, сказал: «Отец Фотий! Не возгордись, что я сие сказал тебе, я так о тебе чувствую...»

Государь должен был признаться Фотию, что сам помогал распространению вредных идей, сам способствовал неверию... Эта мысль угнетала его. Взволнованный Государь пал на колени перед Фотием и просил молиться за него. Фотий прочитал молитву, и «знаменная глава цареву десницею, – как он сам пишет, – отступил от царя; царь же, смиреннейший царь,

яко кроткий Давид, царь мудрый, царь по сердцу Божию достойный сосуд благодати Святого Духа, поклонился по молитве в ноги, яко кающийся человек...» Фотий благословил Государя и тем же тайным ходом ушел из дворца... Фотий видел, какое он произвел впечатление на Государя, и торжествовал...

Вскоре это торжество было подтверждено фактами. Фотий в доме графини Орловой столкнулся с министром князем Голицыным.

Между Голицыным и Фотием произошел спор, в пылу которого Фотий предал Голицына анафеме. В результате Голицын принужден был подать в отставку, а на его место был назначен адмирал Шишков.

В промежутке между двумя посещениями Фотия произошли два события, имевшие серьезные последствия: это – акт о престолонаследии и отречение от прав на престол цесаревича Константина Павловича. Казалось бы, в этих актах не было ничего такого, что давало бы основание окутывать их тайной. Но император обставил их появление такой таинственностью, что об отречении Константина Павловича никто не знал до самой смерти Александра. Днем, 29 августа 1823 года московский архиепископ Филарет отправился в Успенский собор, куда были приглашены протопресвитер сакелларий и прокурор Синодальной канцелярии. Филарет вошел в алтарь, показал присутствующим печать на конверте, в котором хранились документы, положил конверт в ковчег, где хранились государственные акты, запер и запечатал. При этом всем присутствующим была объявлена высочайшая воля, чтобы все происшедшее ими хранилось в тайне. Так как сам акт присутствующим оглашен не был и даже подписи они не видали, то, конечно, о содержании показанной им бумаги, запечатанной в конверте, они ничего не знали. Необычайность обстановки, при которой были положены на сохранение документы, тайна, которой было окутано появление этих актов, не могли не породить всевозможных толков и слухов, которые только тревожили общественное мнение.

II. Смерть

Александр I любил путешествовать. У него была какая-то постоянная потребность в передвижении. Может быть, в этом он находил некоторое успокоение для своей смятенной души. Постоянные поездки, в особенности по России, сильно отражались на его здоровье. По ужасным русским дорогам Александр исколесил Россию по различным направлениям. Не раз приходилось в пути питаться одним картофелем; иногда и сама жизнь императора подвергалась опасности. Последним путешествием была поездка в Таганрог. Поводом к ней послужила болезнь императрицы Елизаветы Александровны. Таганрог казался наиболее удобным местом для лечения.

Было 4½ часа ночи, когда 1-го сентября 1825 года, один, без свиты, Государь на тройке подъехал к воротам Невской Лавры. Вышел из коляски, подошел под благословенье вышедшего его встречать митрополита Серафима и поспешно прошел в церковь. Он был сумрачен и молчалив. Тотчас начался молебен. Полусумрак церкви, черные тени неслышно движущихся монахов, тихое пение – все наводило на мрачные, тоскливые думы. Александр стоял на коленях, молился и плакал... Неясные обрывки тяжелых мыслей скоро вылились в мрачное предчувствие, когда он после молебна зашел проститься к схимнику монастыря, у которого он увидел вместо постели в келье гроб. Государь поклонился всем, сел в коляску и поехал в Таганрог. Когда лошади выехали за заставу, император обернулся назад к остающемуся позади городу и долго, грустно смотрел на него. Ему не суждено было вернуться.

После тяжелой дороги, 13-го сентября, император приехал в Таганрог. Он поселился в большом каменном одноэтажном доме, который разделялся на две половины: в большой, состоявшей из 8 комнат, должна была жить императрица с фрейлинами, в другой половине, состоявшей из 2-х комнат, поселился император; из них одна большая служила ему кабинетом и вместе спальней, другая – маленькая – туалетной. Между этими двумя половинами помещалась большая проходная комната, где Государь принимал посетителей, которая вместе с тем служила столовой. Обстановка всех комнат была очень простая. Около дома был небольшой сад, запущенный, но немного прибранный к приезду Государя. Государь, осмотревши помещение, остался очень доволен.

По поводу своего путешествия и нового местопребывания он писал Аракчееву: «Благодаря Бога, я достиг до моего назначения, любезный Алексей Андреевич, весьма благополучно, и, могу сказать, даже приятно, ибо погода и дорога были весьма хороши. В Чугуеве я налюбовался успехом в построениях. О фронтальной части не могу ничего сказать, ибо кроме развода и пешего смотря поселенных и пеших эскадронов и кантонистов я ничего не видел... Здесь мое помещение, мне довольно нравится. Воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее; впрочем, надеюсь, что сам увидишь».

На свое письмо Александр получил ответ Аракчеева, который сильно встревожил Государя. Аракчеев писал о том, что убили его домоправительницу Настасью Минкину. В самом факте убийства не было, конечно, ничего политического, но Александр сильно встревожился и в письме к Аракчееву относительно этого написал: «объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойти всеми мерами, не было ли каких тайных направлений или подушений».

В Таганроге оставался Александр не долго.

11-го октября он уже отправляется в путешествие по югу России, которое заканчивается 15-го октября. А 20-го октября по приглашению новороссийского губернатора, графа Воронцова, он едет в Крым.

В Крыму Александр был постоянно в движении, много ездил, ходил пешком, часто в одном мундире. Так случилось, когда он поехал в Георгиевский монастырь. К вечеру погода изменилась, стало холодно, Государь продрог и простудился. Это было 27-го октября.

Несмотря, однако, на начавшуюся болезнь, 28-го числа он был уже в Севастополе. Осмотрел укрепления, флот. Затем Александр отправился в Бахчисарай. В Перекле осматривал госпиталь. Никто ничего не замечал особенного в его здоровье.

В с. Знаменском произошел случай, который впервые обратил внимание на состояние здоровья Александра. К Государю приехал фельдъегерь Масков и привез депеши. Когда депеши были сданы и Масков сел в коляску, чтобы ехать обратно, ямщик, очевидно, чтобы показать свою удаль, быстро повернул лошадей, и помчался так неосторожно, что наскочил на кочку. Масков был выброшен из коляски, ударился головой о землю и тут же скончался. На Государя этот случай произвел ужасное впечатление.

– Какое несчастье! Очень жаль этого человека! – говорил он.

«При этом я не мог не заметить, в Государе, – рассказывает присутствовавший медик Тараев, – необыкновенного выражения в чертах его лица, хорошо изученного мною в продолжение многих лет; оно представляло что-то тревожное и вместе с тем болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба». В Мариуполе болезнь приняла более острые формы. Освидетельствовавший Государя лейб-медик Виллие нашел полное развитие лихорадки и сильно встревожился. Виллие уговаривал Александра остаться в Мариуполе и не ехать дальше. Но Государь решил во что бы то ни стало ехать в Таганрог.

В 7 часов вечера 5-го ноября император прибыл в Таганрог, где его ждала Государыня. На вопрос, как он себя чувствует, Александр ответил, что простудился, схватил крымскую лихорадку, но что чувствует себя удовлетворительно. Однако окружающим бросился в глаза болезненный вид Государя. Сам он был тоже в мрачном настроении; это видно из того, что в разговоре с камердинером Анисимовым он вспомнил бывший с ним тотчас по приезде в Таганрог случай, показавшийся ему знаменательным.

Однажды днем, когда Государь читал у себя в кабинете, случилась сильная гроза. Стало так темно, что Александр приказал камердинеру зажечь свечи. Тот зажег две свечи и поставил на стол. Гроза прошла, стало светло, а Государь все читал и забыл о горевших свечах. Тогда камердинер вошел и сам хотел потушить свечи.

На вопрос Государя, зачем он это делает, камердинер ответил.

– На Руси считается дурной приметой – сидеть при свечах днем: могут подумать, что лежит покойник.

Государь задумался:

– Ты прав, – сказал он, – и я так думаю, унеси свечи!

Этот случай Александр вспомнил теперь и сказал задумчиво Анисимову:

– Эти свечи у меня из головы не выходят!..

Болезнь скоро приняла опасный характер. Все были встревожены. Врач Виллие принимал все меры к тому, чтобы предотвратить ужасный конец. Но все его усилия разбивались об упорное нежелание Александра лечиться. Нужно было долго убеждать его, чтобы он принял хотя бы несколько штук пилюль.

«Когда я говорю о кровопускании или слабительном, – рассказывает в своем дневнике Виллие, – Государь приходит в бешенство и не удостоивает говорить со мною». В другом месте, тот же Виллие говорит: «Сегодня ночью я выписал лекарства для завтрашнего утра, если мы только сумеем посредством хитрости убедить его употребить их. Это жестоко. Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным».

Несмотря на развивавшуюся болезнь, Александр продолжал так же много работать, как и раньше. Когда ему императрица указала на вред такой напряженной работы при его болезненном состоянии, он ей ответил:

– Это сделалось столь привычным для меня, что я не могу без этого обходиться, и я чувствую пустоту в голове, когда ничего не делаю; если я оставлю свой пост, то мне придется поглощать целые библиотеки, иначе я сойду с ума.

Скоро безнадежность положения императора стала ясна для всех окружающих. Все были подавлены ожиданием надвигающегося неизбежного конца... Было страшно сказать об этом Государю. Эта печальная необходимость пала на того же Виллие.

14-го ноября в 12 ч. ночи в комнату, где лежал Александр, тихо вошла императрица в сопровождении Виллие и некоторых лиц из свиты. Она была бледна, но напрасно старалась сохранить спокойствие. Подойдя к Государю, она долго с ним разговаривала, просила аккуратно принимать лекарства. Потом, помолчав немного, она сказала ему:

– Я намерена предложить вам свое лекарство, которое всем приносит пользу.

– Хорошо, говорите, – ответил Александр.

– Я более, чем кто другой, знаю, насколько вы великий христианин и строгий блюститель правил нашей православной церкви. Советую вам прибегнуть к врачеванию духовному. Оно всем приносит пользу в наших недугах.

– Кто вам сказал, что я в таком положении, что необходимо для меня такое лекарство? – спросил Государь.

– Ваш лейб-медик Виллие.

Когда Государь спросил Виллие, то тот подтвердил слова императрицы.

Государь спокойно выслушал Виллие и сказал:

– Хорошо, я готов.

Послали за соборным протоиереем Алексеевым. Но когда тот пришел, Александр забылся и в таком состоянии находился до 5 часов утра. Просыпаясь иногда, он читал молитвы и псалмы.

В 5 ч. 30 мин. утра, Государь проснулся и прежде всего спросил, здесь ли священник. Послали за священником, дали знать государыне. Все собрались в кабинет и стали у двери.

Когда вошел священник, Государь поздоровался с ним, а потом спокойным и твердым голосом сказал:

– Я хочу исповедоваться и причаститься Святых Тайн. Прошу исповедовать меня не как императора, а как мирянина; извольте начинать, я готов приступить к Святому Таинству.

Государь причастился...

Наступило 19 ноября – день смерти Александра. День был серый, пасмурный. На площади, перед дворцом, стояла толпа народа – это обыватели Таганрога, после молебствий во всех церквях о здравии Государя, пришли узнать, в каком он положении.

Александр все слабел, дыханье становилось затрудненным. Он часто открывал глаза и устремлял их то на Распятие, то на императрицу.

В 10 часов 50 мин. ночи его не стало...

III. Над умершим

19 ноября Дибич доносил императору Константину:

«С сердечным прискорбием имею долг донести Вашему Императорскому Величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустейшего нашего Государя императора Александра Павловича сего ноября 19-го дня в 10 ч. 50 мин. по полуночи здесь, в городе Таганроге. Имею честь представить при сем акт за подписанием находившихся при сем бедственном случае генерал-адъютантов и лейб-медиков. Таганрог, ноября 19-го дня 1825 года. № 1. Генерал-адъютант Дибич». При этом донесении был приложен акт о смерти.

Известие о смерти Государя было получено в Петербурге только 27-го ноября. Первый узнал о нем Николай Павлович. Но начавшееся междуособие заставило забыть об умершем. Только 3-го декабря новый император Николай Павлович нашел время написать князю Волконскому и сделать свои распоряжения.

«Письмо матушки, любезный Петр Михайлович, достаточно вас уведомит о причинах, побудивших нас всех, просить государыню-императрицу решить самой все, что касается до тела нашего ангела: кому, как не ей, принадлежит собственность сих драгоценных останков нашего отца, кому же, если не ей, решить все, что в силах будет сама решить. Но так как ее решение может касаться только до общих распоряжений, то на вас остается тяжелая обязанность всех необходимых приличных чести русского имени и памяти нашего ангела распоряжений».

Пока шла переписка с Петербургом, было произведено вскрытие тела, а потом бальзамирование.

Со смертью императора государыня переехала к Шихматову, и в доме, где находилось тело, наступило безначалие. Никто не отдавал никаких распоряжений, был полный беспорядок.

В кабинете производилось бальзамирование тела. Труп лежал на столе. Четыре гарнизонных фельдшера с засученными рукавами суетились около трупа, вырезали мясистые части, набивали их какими-то травами и забинтовывали. Руководили работой два врача. Кроме фельдшеров, врачей да дежурного офицера, в комнате и во всем дворце никого не было. Трудно было подумать, что здесь лежит труп Государя. Врачи жаловались, что у них недостаток в материалах для бальзамирования, ночью нельзя было достать даже полотенца и простыни, так как никого кругом не было.

По окончании бальзамирования Государь был одет в парадную форму, с орденами, положен на железную кровать и покрыт кисеей. С этого времени у гроба было установлено дежурство и начались панихиды. В комнате, где лежал Государь, было жарко и душно, все было пропитано особым едким запахом.

На второй день один из присутствовавших при смерти Государя, Шенин, подошел, чтобы посмотреть на труп. Открыл кисею и заметил, что из-под воротника у Государя торчит какой-то клочок материи. Он решил, что это галстук, и сказал об этом врачу Добберту. Тот нагнулся и к ужасу увидел, что это не галстук, а клочок кожи государя по небрежности оставленной у ворота. Вместе с тем было замечено, что лицо стало чернеть; благодаря теплоте в комнате и испарению спирта тело стало портиться. Решили заморозить тело, для чего открыли окна, под кровать поставили корыто со льдом, повесили термометр и приняли меры к тому, чтобы температура была всегда не менее 10 градусов.

20-го числа был поставлен трон, комнату обили черным сукном, тело Государя положили в гроб. Стали ежедневно по нескольку раз служить панихиды. Все приняло более торжественный вид. Государыня на общих панихидах не присутствовала. Но вечером, когда панихида кончалась, обыкновенно, Волконский из комнаты всем приказывал удалиться. Оставался свя-

щенник и дежурный офицер. Последнему приказывалось стоять смирно и не поднимать глаз. Священник тихо читал Евангелие. В это время из своих покоев выходила императрица, одна, без провожатых, медленно подходила к гробу, долго стояла на коленях и молилась, потом поцеловавши Государя, так же тихо удалялась. После этого вводили часовых.

11-го декабря, при громадном стечении народа, тело Государя было перенесено в собор Александровского монастыря, где оно и находилось до отправления в Петербург.

29-го декабря процессия с телом Государя должна была выступить в Петербург. По этому поводу князь Волконский писал императору Николаю: «Насчет сопровождения одного я был в большом затруднении по неприбытию сюда никого из С.-Петербурга; из генерал-адъютантов, граф Ожаровский не бывал по сие время; граф Ламберт, хотя и находился здесь, но так как он не нашего исповедания, то государыне-императрице угодно было потребовать генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоценные останки покойного супруга своего, в надежде, что Ваше Императорское Величество благоволите утвердить сделанный ее Величеством выбор и позволите графу Орлову-Денисову доверить до С.-Петербурга возложенное на него поручение».

Императрица Елизавета Алексеевна с другой стороны пригласила к себе лейб-медика Тарасова и сказала ему:

– Я знаю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, как вам, наблюдать во все путешествие за сохранением тела его и проводить гроб его до самой могилы.

Процессия направилась на Харьков, Курск, Орел, Тулу, Москву. По ужасным дорогам с большими предосторожностями везли тело Государя. На козлах колесницы сидел лейб-кучер Александра, который всю дорогу не отходил от гроба ни на шаг. Кругом было много войска, окружавшего процессию. Останавливались на ночь, обыкновенно, в селах, гроб ставили в церковь. На каждой остановке гроб вскрывали и осматривали тело. Для наблюдений же в дороге в гробу сделали отверстие. Когда мороз понижался, под гроб подкладывали ящик со льдом. Со всех сторон стекалось много народа, чтобы поклониться праху Государя. Это обстоятельство доставляло много хлопот лицам, наблюдавшим за порядком во время процессии. Иногда же руководители испытывали большой страх. Так было, когда процессия приближалась к Туле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.